

УДК 9(352.93+373.3+314.72)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-116-133

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «РУСИФИКАЦИИ»

Е.И. КОБАХИДЗЕ

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева –
филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
E-mail: elena_k11@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты внутренней кавказской политики Российской империи, способствующие интеграции территории и населения региона в общероссийский социально-политический контекст. На примере Центрального Кавказа показаны основные направления этой деятельности, в основе которой лежала идея «русификации». В немалой степени решение поставленных задач отводилось административной практике, нацеленной на переустройство местных общественных структур и стандартизацию всего разнообразия организационных форм местного самоуправления. Апелляция кавказской администрации к патриархальным формам самоорганизации обеспечивала относительную непротиворечивость интеграционных процессов, хотя в целом вмешательство государства в традиционный быт горских народов оказало деструктивное воздействие на всю систему устоявшихся общественных связей и социальных ролей. В то же время у населения региона существовала и позитивная мотивация русификации, сформировавшаяся в сфере образования, где роль ведущего интегрирующего фактора отводилась русскому языку. Для местных сообществ и русский язык, и образование в целом становились мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, освоение которого в определенной мере сглаживало издержки имперской унификации и который стал своего рода бесконфликтной альтернативой «административной русификации». В ходе освоения Северного Кавказа действия административно-правового характера тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только экономическое освоение края, но и изменение его социально-демографического фона. Принимавшиеся для регулирования миграционных потоков официальные меры были направлены на решение первоочередной государственной задачи, стоявшей перед правительством в регионе, – укрепление русской составляющей в его населении в целях сближения края с остальными частями государства. Анализ рассматриваемых вопросов приводит к выводу о достаточном разнообразии средств и методов для реализации интегративных установок правительства по отношению к Центральному Кавказу, отличавшихся особым (имперским) прагматизмом, в основе которого лежала идея укрепления основ российской государственности и расширения единого общеимперского пространства.

Ключевые слова: Центральный Кавказ; Российская империя; интеграция; русификация; унификация; административная практика; образовательная политика; русский язык; колонизация.

INTEGRATION PRACTICES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF «RUSSIFICATION»

E.I. KOBAKHIDZE

*V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the
Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences
362040, Vladikavkaz, Pr. Mira, 10
E-mail: elena_k11@mail.ru*

Abstract. The article analyses some aspects of the internal Caucasian policy of the Russian Empire, promoting the integration of the territory and the population of the region into the all-Russian social and political context. The example of the Central Caucasus shows the main directions of this activity, based on the idea of «Russification». The solution of the tasks assigned to a large extent to administrative tasks aimed at the reconstruction of local social structures and standardization of the entire variety of organizational forms of local self-government. The appeal of the Caucasian administration to the patriarchal forms of self-organization ensured the certain consistency of the integration processes, although in general the state intervention in the traditional life of the mountain peoples had a destructive effect on the entire system of established social ties and social roles. The population of the region also had at the same time a positive motivation for Russification, formed in the sphere of education, where the role of the leading integrating factor was assigned to the Russian language. For the local societies both the Russian language and education as a whole became a powerful resource of socialization in the all-imperial space, the development of which to some extent smoothed out the shortcomings of imperial unification, and which became a kind of conflict-free alternative to «administrative Russification». During the developing of the North Caucasus the administrative and legal actions were closely intertwined with measures for the colonization of local territories, the result of which was not only economic development of the region, but also a change in its socio-demographic background. Official measures taken to regulate migration flows were aimed at solving the priority state task facing the government in the region – consolidation of the Russian component in the local population for its convergence with other parts of the empire. The analysis of the issues under consideration leads to the conclusion that there is a sufficient variety of means and methods for implementing the government's integrative objectives towards the Central Caucasus, which were distinguished by special (imperial) pragmatism, based on the idea of strengthening the foundations of Russian statehood and expanding the all-imperial space.

Key words: Central Caucasus; Russian Empire; integration; russification; unification; administrative practice; educational policy; russian language; colonization.

Вводные замечания

Проблема взаимоотношений центра и окраинных регионов Российской империи всегда отличалась особой остротой. Этнокультурная и социально-политическая мозаичность Российского государства, как и природа российской государственности как таковой, определяли приоритеты в правительственной национальной политике, нацеленной на сохранение единства и целостности страны. Вторая половина XIX в. стала периодом созревания новых идеологических формул поддержания имперского порядка и социальной стабильности, тем более востребованных, чем интенсивнее в стране шли

внутренние трансформационные процессы, завязанные сначала на реформах 60-х гг., а затем – на т.н. контрреформах 80-х. Начало XX века, ознаменовавшего системный кризис империи, дало новый импульс к разработке идеологии национальной стабильности, выраженной в понятии «единой и неделимой России», в которую активно включились разные слои российского общества. Актуализация поиска новых обоснований имперской (общеимперской) идентичности обуславливалась еще и пестрым в социокультурном и конфессиональном аспектах составом населения, что на деле означало высокую степень конфликтогенности процессов имперской унификации. Гасить назревавшие и подавлять вспыхивавшие в связи с этим социальные конфликты являлось в подобных обстоятельствах не столько задачей государства по установлению общественного порядка, сколько одной из важнейших функций Империи, ориентированной на формирование новых социальных мотиваций на основе «тождества интересов» в экономическом, политическом и социальном отношениях.

Идеологическим основанием формирования единого имперского пространства служила идея «русификации», менявшая свой социальный смысл в ходе развития взаимоотношений центра с национальными перифериями. На первом этапе, условные хронологические границы которого отмечаются последней четвертью XVIII – 80-ми гг. XIX в., «русификация» подразумевала установление политического единства в определяемых государством административных границах, интеграцию разнородного населения в широкое гражданско-правовое поле на основе общегосударственного законодательного права. Цели «обрусения» соотносились с ценностно-нормативными категориями и трактовались как исполнение «цивилизаторской миссии», в ходе которой иная ментальность приобщалась к российской государственности в ее экономическом, политическом и социокультурном измерениях.

Но уже начиная с 80-х гг. XIX в., когда Россия уверенно двинулась по пути ускоренной модернизации, имперская идеология должна была способствовать консолидации множественных микросоциумов в некоем имперском универсуме, где в качестве общей национальной идеи выступала политическая идеологема «гражданственности», обосновывающая целостность государства, его «единство и неделимость».

Практическая реализация объединительных, интегративных установок подталкивала официальные верхи к разработке политики, нацеленной на «формирование однородной массы граждан, гомогенизированной... в лингвистическом и административном отношении» [44, с. 221]. Для достижения целей «гомогенизации» в отношении Центрального Кавказа требовалось адекватное решение целого комплекса сложнейших задач, частью лежавших в сфере административного управления, частью касавшихся образовательной сферы, где широко использовался интегративный потенциал русского (государственного) языка, а частью пересекавшихся с переселенческой политикой, ориентированной на укрепление русской составляющей в населении края.

Аспект административный

Своего рода несущим каркасом Российской империи служил административный аппарат, выстроенный на принципах вертикальной иерархии. Его эволюция шла по пути все нарастающей рационализации управления, дифференциации функций высших и низших звеньев административной системы и специализации подразделений [20, с. 12]. Уже к второй четверти XIX в. государственно-административная система России оформилась в единый механизм, действующий на принципах формализации, рационализации и бюрократизации управления, которые должны были обеспечивать его эффективность. Именно управленческие практики и механизмы конституировали общеимперское социальное пространство, усиливая и без того доминирующую этатистскую составляющую в российской государственности и оказываясь преимущественными каналами воздействия государства на общество и его основные институты на всех уровнях социальной системы.

Жестко организованная институциональная схема, в которую укладывалась государственно-административная модель управления, значительно ограничивала возможности поиска новых институциональных форм административного воздействия на слишком различающиеся социумы, обитающие вне Центральной России. Поэтому и на Северном Кавказе его административное обустройство исходило из тех же формально-организационных принципов, на которых держался весь государственный управленческий механизм.

Пусть к скорейшему «обрусению» края и достижению единого имперского порядка лежал через стандартизацию и унификацию всего разнообразия организационных форм и практик жизнеустройства окраинных народов, подведение их под некий единый знаменатель, представленный формами крестьянского самоуправления в центральных районах империи (см. подробнее: [16]). На Центральном Кавказе этот процесс подразумевал широкое распространение в горских сообществах как государственных административно-правовых учреждений, так и принципиально иных для данной среды стратегий социально-экономического поведения и связанных с ними культурных ценностей, характеризующих совершенно иную модель социальных отношений, а шире – иную цивилизацию. Подобная деятельность (в разной степени выраженности проводившаяся практически во всех периферийных провинциях империи) имела столь определенную направленность, что в литературе прочно утвердилось понятие «административная русификация» (см., например: [21; 22; 53; 54, р. 211-220; 55]).

В целом формализация и бюрократизация всех уровней административной системы, выстраиваемой на Северном Кавказе, в целом соотносились с идеей укрепления централизованной власти в империи. Однако конкретные формы и методы управления во многом определялись особенностями хозяйственно-политического развития местных социумов и

зависели как от общего социально-политического контекста, так и внутривластной конъюнктуры.

В наибольшей степени пресс империи ощущался на низовых социальных уровнях – в горских сельских общинах, где формированию и реорганизации органов сельской администрации изначально уделялось особое внимание (свидетельством чему, например, проект волостного управления в Осетии, еще в 1816 г. предложенный А.П. Ермоловым [1, с. 685], специальные разделы «Инструкции для окружных начальников» 1860 г., разработанной наместником А.И. Барятинским [2, с. 1192-1198], и Положения о Терской области 1864 г. [33]), хотя практические результаты этой деятельности появились лишь после завершения Кавказской войны и введения на Центральном Кавказе на рубеже 60-70-х гг. XIX в. «гражданского устройства» [5, с. 119; 35; 36]. Принятое для горцев «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области» 1870 года и его более поздние редакции утверждали новую, нетипичную как для местной практики самоорганизации, так и для прежнего военно-народного управления, административную модель, образец для которой был скопирован с органов самоуправления среднерусского крестьянства. Начавшись с верхних этажей административной иерархии, ее строительство в регионе завершилось формированием низовых (на уровне сельской общины) управленческих структур, представленных органами сельского управления с соответствующими функциями. Унифицированные принципы рационализации и бюрократизации управления распространялись и на институты сельской администрации, различные аспекты деятельности которых также регламентировались соответствующими легально-правовыми нормами, в основных своих чертах заимствованных из положений, распространяющихся на крестьянский «мир» Европейской России (см.: [39, с. 1-3, 9-51 и след.; 41, с. 1-87.]). К примеру, организационно-управленческие функции сельского общества закреплялись положениями, которые регламентировали не только порядок общественного управления, но и хозяйственно-экономическую деятельность села, включенного в качестве юридического лица в систему государственного налогообложения.

Однако вмешательство в общинный быт горцев было чревато серьезными осложнениями для местной администрации. Обезличенность, рационализм, формализм государственной административной системы вступали в очевидное противоречие с патриархальными базовыми принципами самоуправления горской сельской общины (коллегиальностью, демократизмом, внесословностью, широко понимаемым старшинством), порождая конфликты и вызывая неприятие нововведений в горской общинной среде. Искусственное формирование сельских обществ, учреждение на низовых уровнях официальных административных институтов, действующих от имени государства и представляющих его интересы, выстраивание отношений надличностной зависимости во властно-правовом поле наряду с бюрократизацией и формализацией управленческой деятельности – все это не могло не сказаться на целостности традиционной социокультурной системы.

Понимая это, кавказская администрация шла на выборочную легализацию традиционных принципов самоорганизации, используя, например, практику патриархальных народных собраний, трансформированных в общественные сходы. Вместе с тем, имея выборочный, даже спонтанный характер и сохраняя, пусть даже и в некоторой степени, внешние институциональные формы традиционного самоуправления, апелляция к традиционным социоорганизующим практикам и механизмам обеспечивала относительную непротиворечивость интеграционных процессов за счет пересечения в «старого» и «нового» социального порядка, выстраиваемого на низовых уровнях административного аппарата, что с определенной долей успешности обеспечивало достижение главной цели – включение горского социума в общеимперское административно-правовое пространство.

Именно административный аспект русификации был актуализирован на Северном Кавказе, возможно, даже в большей степени, чем на прочих окраинах Российской империи (см. об этом: [51]) в силу исторически сложившегося военного характера взаимоотношений, надолго определившего постановку правительственных внутривнутриполитических задач по отношению к региону.

Аспект образовательный

При анализе процессов русификации национальных окраин Российской империи следует различать процессы «огосударствления» («распространения начал цивилизации» – в терминологии российских администраторов) от процессов ассимиляции, аккультурации, колонизации и пр. Если ассимиляция подразумевает процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения и, что является, пожалуй, наиболее существенным в характеристике этого явления, «отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти» [21, с. 58], то аккультурация связывается с процессом усвоения новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, и, таким образом, не затрагивает глубинных пластов национально-культурной идентичности. Происходя зачастую в условиях военного и политического доминирования, такая вынужденная аккультурация приобретает выраженный инструментальный характер, становясь одной из форм адаптации, при которой в адаптирующемся социуме формируются стратегии индивидуального и группового поведения, ориентированные по большому счету на перспективу и помогающие общности наиболее безболезненно осваивать пространство доминирующей культуры, находя в нем приемлемые для себя ниши.

В силу масштабов и культурно-языковой гетерогенности Российской империи приоритеты центральной власти на окраинах были связаны, скорее, не с достижением полной ассимиляции и принятием общей для всего населения идентичности, сколько с приобретением лояльности, причем не столько политической, сколько выраженной в культурных формах и связанной «с ориентацией на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний» [21, с. 67]. Речь, таким образом, должна идти о создании механизмов, обеспечивающих формирование локальными сообществами

позитивной мотивации русификации, обеспечивающей более или менее успешную адаптацию к новым формам хозяйственной и социально-политической жизни в условиях русифицирующего давления государства.

В то время как административная составляющая правительственной интегративной политики имела все же деструктивный характер, сказавшийся на всей системе традиционного жизнеобеспечения местных сообществ, сфера образования дала образцы позитивной (инструментальной) мотивации русификации населения Центрального Кавказа, в определенной мере сглаживающей издержки имперской унификации. (Заметим здесь, что именно культурно-языковыми аспектами и ограничивает «русификацию» А. Каппелер, считающий, что говорить о целенаправленной «русификации» как содержательной характеристике российской национальной политики можно лишь начиная с 60-х гг. XIX в., но и тогда, по мнению исследователя, «она не оформилась во всеохватывающую концепцию, которая могла бы совершенно вытеснить наднациональную основную модель» [15, с. 138]. Близок к этому мнению вывод американской исследовательницы А. Павленко, которая ставит под сомнение устоявшуюся трактовку правительственной языковой политики как «сознательной, последовательной и долговременной политики языковой русификации и денационализации» [52, р. 331].)

Причин для этого было несколько.

Прежде всего, Центральный Кавказ был регионом, где русский язык изначально занял доминирующие позиции, поначалу проникая в местную среду посредством православия. В ходе становления общеимперской идентичности на «инородческих» окраинах именно религии отводилась роль одного из ведущих интегрирующих факторов в силу ее символической роли особого (сакрального) центра Российской империи. Наряду с открытой пропагандой христианства среди народов Центрального Кавказа (из которых только осетины могли, и то с достаточной долей условности, считаться христианами православного исповедания), специально созданная для этих целей в 1745 г. Осетинская духовная комиссия, ставшая центром православного миссионерства на Кавказе, занялась просветительской деятельностью. С 1764 г. в Моздоке открылась осетинская школа, находившаяся в ведении духовной комиссии. И если в первые годы обучение горских детей проходило на родном языке [19, с. 30-34], то уже с 1767 г. его место занял русский язык в силу указа Св. Синода, предписывающего, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на каком другом диалекте» [19, с. 40].

Образовательная деятельность институтов православной церкви на Кавказе, номинально находившихся в ведении грузинского экзархата, тщательно контролировалась светскими властями. Контроль со стороны кавказской администрации еще более усилился в отношении образовательной деятельности сменившего Осетинскую духовную комиссию Общества восстановления православного христианства на Кавказе (1860) [32], одной из главных задач которого являлась организация приходских начальных школ для широких слоев горского крестьянства. Вплоть до ликвидации Кавказского наместничества практическая деятельность Общества была подконтрольна

самому наместнику, и лишь с 1885 г. оно оказалось окончательно вверено экзарху Грузии и передано в непосредственное подчинение Св. Синоду [37]. И даже после переподчинения церковно-приходские школы, находившиеся под началом ОВПХ, были какое-то время связаны с Кавказским учебным округом, оставаясь под надзором сугубо светского должностного лица – инспектора училищ ОВПХ, назначаемого администрацией учебного округа. Только в 1886 г., в русле всеобщей клерикализации российского образования, функции инспекции начальных школ духовного ведомства перешли к Св. Синоду [38].

То обстоятельство, что кавказские церковнослужители, хотя и происходили из местной «иноверной» среды, но обучались в русских учебных заведениях на русском же языке, обеспечивало православия, помимо собственно миссионерских, также функции пропаганды идей российской государственности и законности среди кавказского населения [19, с. 78].

Православное ведомство долгое время удерживало ведущие позиции в сфере народного просвещения, поскольку организация учебного дела в начальной школе, предназначенной «для народа», целиком и полностью возлагалась на церковные учреждения. (Лишь на рубеже XIX-XX вв. этот вопрос стал предметом полемики, вынесенной на обсуждение в Государственный совет [14, с. 721-722]). Образовательная деятельность церковных учреждений всецело поддерживалась центральным правительством и местной администрацией, где начальное обучение (в том числе ведущееся и в приходских школах) рассматривалось как эффективный механизм идеологического воздействия в деле «образования юношества».

«Главнейшим фактором объединения разноплеменного коренного населения края с Империею» [4, с. 103-104] всегда рассматривался русский язык. «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г. утверждало приоритет русского языка в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального уровня, исходя из целевых установок, данных самим Николаем I о необходимости сближения региональной образовательной системы с общероссийской [31, с. 498]. Эта же цель в числе первоочередных была обозначена и в программе преобразований Кавказского края наместника великого князя Михаила Николаевича [5, с. 99].

И «Положение о начальных народных училищах» (1864) окончательно фиксирует роль русского языка как единственного языка преподавания [34, с. 614]. В продолжение принятого курса по инициативе наместника разрабатывается особое «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» (1867), закрепившее принципы унификации региональной системы народного просвещения. А со времени введения Правил о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1873) на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (не исключая и церковно-приходские школы иноверческих вероисповеданий) распространяется общий закон относительно обязательности преподавания русского языка, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами [24, с. 70-71].

Школы духовного ведомства, в соответствии с утвержденными в 1874 г. «Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [19, с. 134-137], также были ориентированы на распространение русского языка (в отличие от Правил редакции 1863 г., где «природный язык» еще значился языком начального обучения [19, с. 118]). Издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, подтвердило позиции русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях.

Местный язык оставался лишь предметом изучения в некоторых учебных заведениях, готовивших приходских священников и учителей для церковно-приходских школ: например, Ардонском Александровском духовном училище (1887) [19, с. 244-246; 8, с. 204-207], преобразованном в Ардонскую миссионерскую духовную семинарию (1895). В целом же, судя по отчету попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г., из 2086 начальных школ в 1928 школах (92,3%) языком преподавания служил русский язык, и лишь в 158 школах родной язык допускался в помощь при изучении русского языка [23, с. 225-226].

Вместе с тем в условиях полиэтничного северокавказского социума русский язык выполнял не только утилитарные функции проводника идей государственности, но являлся (и воспринимался!) также языком межэтнического общения, посредником в межкультурной коммуникации. Наиболее выраженной эта языковая функция оказалась в равнинных поселениях, соседствующих с казачьими станицами и городами Терской области. Здесь активно шло не просто заимствование, но усвоение новых образцов организации жизни и связанных с ними ценностей, вовлекающих человека в круг современных отношений и значительно расширяющих сеть его социальных связей в лоне иной культуры. Особое стремление к усвоению русского языка выказывало население Осетии, большая часть которого охотно отправляла своих детей «в станицы казакам для обучения русской грамоте... Ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого», – рапортовал начальник Владикавказского округа областному начальству еще в 1868 г. [19, с. 129] Показателен в этом отношении пример Алагирской школы, куда, по настоянию алагирского старшины, были определены учениками дети соседнего осетинского села Салугардана. По мнению старшины, в таком случае не только «изучение грамоты сделается для всех несравненно легче», но и, под влиянием развившейся дружбы, «молодое поколение туземцев постепенно будет приготавливаться к слиянию в один русский народ» [26, л. 24-25]. Нередки были и случаи, когда осетины и ингуши посылали своих детей в услужение городским жителям без всякой платы, но с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски [45, л. 38].

По мере становления и развития региональной образовательной системы формировался и становился все более определенным социальный запрос на образование, в целом характеризующий общую социокультурную ситуацию на

пореформенном Центральном Кавказе. С одной стороны, его появление обуславливалось сугубо практическим интересом, выказываемым горцами, для которых открывались вполне реальные карьерные перспективы: знание русской грамоты не только значительно поднимало общественный вес общинника в глазах односельчан – владея русским языком, рядовой горец мог повысить и собственный социальный статус, заняв привлекательную должность писаря в сельской администрации либо став учителем, дьяком или даже священником [19, с. 139]. С другой же стороны, образование становилось мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, выведившим общинника за пределы традиционной повседневности и открывавшим возможности для успешной интеграции в иную цивилизацию, одновременно обеспечивая чувство сопричастности намного более широкой социальной общности, чем любой кровнородственный или территориально-родственный патриархальный коллектив.

Частым явлением стали выносимые на сельских сходах общественные приговоры об открытии приходских школ [19, с. 184]. Личное внимание высшей администрации края к «народным» школам поощряло местные сообщества к устройству новых училищ, о чем свидетельствуют выносимые в массовом порядке общественные приговоры 1880-1890-х гг.: люди не только просили об устройстве в их селениях учебных заведений, но и готовы были брать на себя значительную часть расходов, связанных с их функционированием (жалованье учителю, предоставление или даже постройка помещений для школ, приобретение школьного инвентаря и необходимых принадлежностей и т.п.) [25, л. 55-56; 27, л. 1].

Анализ процессов, связанных с реализацией образовательной политики на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., приводит к следующим основным выводам. Прежде всего, оценивая сложившуюся в сфере образования в начале XX в. ситуацию в целом, следует, пожалуй, обратить внимание на ее неоднозначность. С одной стороны, образовательная практика правительства в регионе всегда имела определенный политический подтекст, будучи ориентирована на культурно-языковую ассимиляцию местного населения. Но с другой стороны, откровенные русификаторские установки в деле народного просвещения парадоксальным образом способствовали консолидации национальной интеллигенции и кристаллизации в общественном сознании, выразителем которого являлись ее лучшие представители, идеи национального языка как центрального ядра национальной культуры и понимания необходимости повышения общественного статуса родного языка (см., например: [11]). С наибольшей интенсивностью эти процессы протекали в Осетии, и сформулированные осетинской просветительской интеллигенцией задачи поддержки родного языка [29, с. 191-192] получили частичное разрешение на волне общей переориентации управления регионом в сторону регионализации (после учреждения в 1905 г. Кавказского наместничества), что сказалась и на принципах организации преподавания в местных школах [4, с. 106-108], в программу которых осетинский язык был введен в качестве обязательного [19, с. 175-177].

Вместе с тем, можно с уверенностью говорить об успешности русификации, состоявшейся не столько благодаря целенаправленным действиям соответствующих официальных ведомств и учреждаемых ими образовательных институтов, сколько ввиду отсутствия реальных условий и механизмов повышения статуса родного языка, его утверждения во всех сферах общественной жизни наравне с государственным. Нехватка учебников, квалифицированных педагогических кадров для начальной школы, разнообразной и доступной литературы на родном языке, весьма ограниченная сфера бытования и, главное, отсутствие государственной поддержки объективно законсервировали положение национального языка в качестве вспомогательного, обеспечивая русскому языку широкое проникновение в местную среду и формируя в ней настоятельную потребность в его изучении.

Таким образом, в числе факторов, предопределивших инструментальный характер мотивации к усвоению русского языка, можно выделить следующие. Прежде всего, русский язык являлся языком власти, и овладение им значительно повышало социальный статус человека в его макро- и микросоциуме; знание русского языка открывало для горца перспективы выхода за пределы традиционности и освоения иного, более широкого социального пространства. Новый социальный контекст, в котором оказывались местные сообщества, обеспечивал русскому языку функции посредника в межэтническом взаимодействии и межкультурной коммуникации. Наконец, отмечаемое среди горцев (и в особенности осетин) стремление к освоению русского языка являлось своего рода адаптивной реакцией на новые и всегда острые социальные вызовы, смягчающей чувство психологического дискомфорта, неизбежного в условиях давления государства и его основных институтов на традиционную повседневность.

Аспект переселенческий (колониционный)

В течение всего периода проникновения империи в регион действия административно-правового характера тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только хозяйственное освоение мигрантами местных земельных угодий, но и изменение его социально-демографического фона. Запустив механизм внутренней колонизации в кавказском направлении еще во времена Екатерины II, правительство явно обозначило стремление закрепиться на далекой окраине, включив ее территорию во внутренние российские пределы как в административном, так и в социокультурном отношениях. И если первое могло быть осуществлено в ходе официальных правительственных мероприятий, опирающихся на соответствующую законодательно-правовую базу (т.е. путем собственно колонизации, в основе которой лежат прежде всего политические интересы государства), то второе требовало не только иных подходов (более гибких и одновременно более разнообразных, «цивилизационных» – в терминологии кавказского наместника Михаила Николаевича) [9, с. 3], но и времени. (Отметим, что нередко понятие «колонизация» смешивалось с

понятием «переселение», хотя и то, и другое имело самостоятельный социальный смысл: переселение происходило в силу собственного миграционного потенциала у населения, стремившегося таким образом решить свои частные проблемы; колонизация же в большой степени связывалась с искусственным регулированием миграционных потоков в целях удержания завоеванных территорий и расширения государственного пространства. Однако достижение военно-политических целей на окраинах империи и выселение из центральной России малоземельных крестьян на «окраинные пустыри» с целью их заселения привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением» [40, с. 133]).

Исходя из сугубо политических задач расширения «русского» пространства империи, власти поддерживали переселение на Кавказ и в Предкавказье «русского элемента», поначалу представленного казачьим сословием, а с 60-х гг. XIX в. (в дополнение к военно-казачьей колонизации) – уже обычными крестьянами из центральных российских губерний (см.: [28; 30]. Проведение в 1861 г. крестьянской реформы открывало для освободившихся от крепостной зависимости крестьян перспективы для своего земельного устройства, мотивируя их миграционные устремления. С другой стороны, крепко устроенному «русскому элементу» в новоприобретенной и недружелюбно расположенной окраине надлежало стать надежной социальной опорой для административных преобразований. Предполагаемый русифицирующий потенциал переселенцев из российской глубинки должен был не только «усилить» в крае «русский элемент», но и, как считалось администрацией, оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Соответственно поставленной задаче законы и положения 1880-1890-х гг. о переселении на Кавказ поселенцев из центральных российских губерний принимались с целью «укрепления» русской составляющей в населении региона.

В пореформенные десятилетия вопрос об «усилении русского населения на Кавказе» был поставлен в ряд первоочередных государственных задач, а заселение его выходцами из российской глубинки объявлялось «весьма желательным с точки зрения общих интересов государства» [47, л. 1, 2об.]. Заняться решением задач, связанных с переселением на Кавказ русских крестьян, настоятельно рекомендовалось местной администрации.

Усилившееся к концу столетия переселенческое движение на Северный Кавказ, в частности в Терскую область, вело к тому, что прибывавшие крестьяне «все более и более» заселяли «свободные земли во всех углах области, занимая как казенные, так и частновладельческие участки» [7, с. 17]. В результате, с одной стороны, ощутимо увеличилась демографическая нагрузка на регион, а с другой – резко сократились причитающиеся на душу населения земельные наделы. Обезземеливание местного крестьянства наряду с проблемами с землеустройством новоприбывших поселенцев заставили правительство на рубеже столетий вернуться к «ограничительному» курсу в переселенческой политике на Кавказе и выработке более жестких условий для переселения в этот регион.

Вместе с тем, выработанные в свете новых тенденций временные правила, регулирующие переселенческое движение на Кавказ и составившие основу Положения Комитета министров о разрешении переселений в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа (1899), давали преимущества русским крестьянам исключительно православного исповедания, которым предоставлялся для заселения «весь свободный наличный запас казенной земли, не состоящей в отводе казенных крестьян». Пригодность сдаваемых в аренду участков должна была определяться с учетом прежде всего интересов переселенцев независимо от земельного положения «туземных поселян» [13, с. 332-333]. Однако «полезными колонизаторами вновь заселяемых местностей» признавались далеко не все русские и православные, т.к. в соответствии с циркуляром главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 15 марта 1901 г. при их обустройстве учитывался ряд дополнительных условий: имущественный ценз (около 300 руб. на крестьянскую семью), опыт самостоятельного ведения земледельческого хозяйства («хотя и на заарендованных землях»), а также достаточное количество рабочих рук [48, л. 31об.-42].

Несмотря на довольно широкое применение ограничительных мер, они не могли компенсировать отсутствия внятной программы колонизации (о необходимости которой резко высказывался наместник И.И. Воронцов-Дашков [4, с. 72-76]), что привело не только к перенаселению Северного Кавказа и превращению его самого в регион, «выбрасывающий» миграционные потоки (преимущественно в Закавказье), но и к обострению существовавших социальных противоречий, еще более усугублявшихся земельным голодом, от которого одинаково страдали все местные народы, особенно проживающие в нагорной полосе (см.: [43, с. 97-100, 166; 42, с. 27, 28; 49; 50]).

Очевидно, что русские переселенцы удостоились внимания правительства прежде всего как носители имперской государственности, в чем и выражался особый, связанный с ними, «государственный интерес» (см., например, переписку министра внутренних дел И.Л. Горемыкина с министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым [12, с. 558-562, 567]). Администрация Терской области была убеждена, что внимание к нуждам переселенцев и содействие местной власти к «водворению их в известной последовательности – так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений, – должны служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности» [6, с. 27], а поселение крестьян из внутренних российских губерний «крупными благоустроенными селами, с церквями, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит умиротворение области» [7, с. 17].

В результате к началу XX в. «земельный вопрос» в крае приобрел уже чрезвычайную остроту, став самостоятельным мощным конфликтогенным фактором, наряду с другими обусловившим социально-политическую напряженность в регионе в конце XIX – начале XX в.

Земельный дефицит и перенаселение в горах обусловили появление на Владикавказской равнине новой социальной группы временнопроживающих, возникшей в результате встречи двух миграционных потоков – один был представлен местным населением, для которого переселение на равнину становилось вопросом выживания, другой – выходцами из российских губерний. Интересы их землеустройства превалировали над земельными проблемами самих горцев: несмотря на скученность и недостаток пригодных в хозяйственном отношении земель, у горцев в пользу переселенцев изымались «свободные» (с точки зрения властей) земли – не находящиеся в общинном пользовании пастбищные, луговые и лесные угодья, которые передавались в казенную собственность. Не находили поддержки и просьбы выселенцев выделить им в пользование участки из т.н. казенных земель (см., например [18, с. 294-296]), поскольку и в этом отношении приоритетным правом пользовались русские переселенцы, и лишь при отсутствии таковых – безземельные горцы [46, л. 16, 19].

В то же время, меняя социально-демографический фон региона, новопоселенцы из Центральной России несли с собой и мощный культуртрегерский потенциал, оказавший заметное влияние на социально-экономическое развитие края, вступившего на путь ускоренного преобразования всей системы социально-экономических отношений. Знакомство с новыми формами хозяйствования, приобщение к новой культуре производства-потребления, в конце концов, расширившееся географическое пространство обитания в связи с массовым переселением на равнинные земли заставляли горцев искать возможности удовлетворять «рождающиеся новые потребности», отделяя по сути «факт от принципа, дело от убеждения» [5, с. 117].

Как особый социально-политический феномен, колонизация обеспечивала перспективу «двойного расширения» Российской империи за счет разрастания «имперского ядра» путем присоединения окраин не только в территориально-административном, но и в социально-культурном аспектах [10, с. 130]. Исследователи отмечают, что колонизация – «это в конечном счете попытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем идеальные мотивы могут порой преобладать над всеми прочими – экономическими, военными и другими» [17, с. 56]. Несмотря на то, что русские переселенцы (как казаки, так и обычные крестьяне) «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями “цивилизаторской” миссии, ни миссионерами» [3, с. 185, 188], они должны были стать важной «третьей силой» во взаимоотношениях власти и местных сообществ, которая бы придала переселенческому движению имперское измерение. Идеологическая подоплека колонизационных задач заключалась в формировании «большой русской нации» [40, с. 137] как политической целостности, идея которой, трактуемая правительственными идеологами как «национальная», в пореформенный период формулируется в виде нового правительственного курса на создание и поддержание «единства и

неделимости» Российской империи с единым политическим ядром, окруженном окраинами.

Некоторые итоги

Подводя итоги, подчеркнем, что и в позднеимперский период приоритеты национальной политики России во многом определялись как характером российской государственности, так и конкретными задачами поддержания стабильности правящего режима и сохранения единства и целостности страны в условиях этнокультурной и социально-политической мозаичности российского общества.

Ведущая роль в решении интеграционных задач отводилась административной практике. «Административная русификация» северокавказской окраины, подспудно содержащая идею модернизации общества и его основных институтов, заключала в себе задачу «вписывания» местного социума в быстро меняющуюся систему горизонтальных и вертикальных общественных связей в самой империи, отражая стремление к упорядочению, определенной степени «институционализации» всего разнообразия отдельно существующих социальных систем, подведение их под некий единый знаменатель.

В качестве одного из наиболее эффективных механизмов «русификации» Центрального Кавказа следует считать практику колонизации здешних территорий, социальный смысл которой имел несколько важных измерений: русские поселенцы не только меняли социально-демографический фон региона, но и несли с собой некий «имперский комплекс», ядром которого поначалу выступала идея православия, затушеванная впоследствии политически окрашенной идеологией «гражданственности» как общей национальной идеи, обосновывающей целостность государства, его «единство и неделимость».

Однако для населения региона существовала и позитивная мотивация русификации, сглаживающая издержки политики имперской унификации и позволяющая горцам наименее болезненно войти в мир «большого общества». С практической точки зрения эта мотивация носила выраженный инструментальный характер, поскольку формировала потребность в образовании, ставшем одним из актуальнейших вызовов того времени для местных социумов. В этом контексте русский язык и образование становились мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, обеспечивающим чувство сопричастности намного более широкой социальной общности, чем любой кровнородственный или территориально-родственный патриархальный коллектив.

В целом же набор средств и методов для реализации объединительных установок правительства по отношению к Центральному Кавказу и его населению отличался достаточным разнообразием, но одновременно и имперским прагматизмом, в основе которого лежали идеи укрепления основ российской государственности на северокавказской периферии и расширения единого общеимперского политического и социокультурного пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874. – Т. VI. – Ч. 1. – 957 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – Т. XII. – 1558 с.
3. *Брейфогл Н.* Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 156-200.
4. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 164 с.
5. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военному управлению за 1863-1869 гг. – СПб.: Воен. тип., 1870. – 120 с.
6. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. – Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1892. – 132 с.
7. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1895. – 107 с.
8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. – СПб.; Пг.: Синод. тип., 1889. – X, 289, 123 с.
9. Главнейшие мероприятия по устройству Кавказского края. Тифлис, 1878. – 12 с.
10. *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М.: МОНФ, 2001. – С. 129-150.
11. *Дзасохов Гр.* Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ИСОНИИ). – Орджоникидзе, 1934. Т. VIII. – С. 178-182.
12. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: Лисс, 1998. – 1000 с.
13. *Исмаил-Заде Д.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. – 1977. – Т. 99. – С. 332-333.
14. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С.В. Рождественский. – СПб.: М-во нар. прос., 1902. – 785 с.
15. *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125-144.
16. *Кобахидзе Е.И.* Административное измерение позднеимперской «русификации» (опыт Центрального Кавказа) // Клио. – 2015. – № 1(97). – С. 206-214.
17. *Лурье С.* Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 56-64.
18. Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / сост. Д. А. Дзагуров. – Дзауджикау: Гос. издат. СОАССР, 1950. – Т. III. – 350 с.
19. Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. – Орджоникидзе: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1942. – Т. V. – 296 с.
20. *Медушевский А.Н.* Административные реформы в России XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 46 с.

21. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
22. *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 133-148.
23. *Мирошнев М.О.* О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А. С. Будиловича. – СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1905. – С. 225-230.
24. *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. – Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1880. Отд. I. – С. 3-96.
25. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 7.
26. НА СОИГСИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 70.
27. НА СОИГСИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 74.
28. О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-II). Т. XLIII. Отд. 1-е. – №45785. – С. 473-474.
29. Петиция учителей школ Северной Осетии, поданная Владикавказскому епископу // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ИСОНИИ). – 1934. – Т. VIII. – С. 191-192.
30. Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. – №38256. – С. 406-425.
31. ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. – №27646. – С. 498-516.
32. ПСЗ-II. Т. XXXV. – № 35897. – С. 730-735.
33. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. – №38326. – С. 497-502.
34. ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. – №41068. – С. 613-618.
35. ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. – №47847. – С. 412-415.
36. ПСЗ-II. Т. XLV. Дополнение. Ч. 2. – №48429а. – С. 11-12.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ-III). – Т. V. – №2726. – С. 42-46.
38. ПСЗ-III. – Т. VI. – №3686. – С. 188-189.
39. Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. (Издание неофициальное). – М., 1890. – 256 с.
40. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. – 2008. – Вып. 11(129). – С. 132-179.
41. Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. – М.: Типография М.Н. Лаврова и К°, 1880. – 267 с.
42. *Тедтоев А.А.* Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX в. – Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. – 156 с.
43. Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Терский стат. ком., 1908. – 375 с.
44. *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875-1914. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 512 с.
45. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). – Ф. 12. – Оп. 5. – Д. 319.
46. ЦГА РСО-А. – Ф. 168. – Оп. 1. – Д. 1.

47. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ). – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 1.
48. ЦГИАГ. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 63.
49. *Цориева И.Т.* Об исторических контекстах миграционной политики России в Осетии в конце XVIII-XIX вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII: Материалы региональной научно-практической конференции (Пятигорск, 19-20 ноября 2015 г.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 182-188.
50. *Цориева И.Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 254 с.
51. *Geraci Robert P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – 389 p.
52. *Pavlenko A.* Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages. – 2011. – Vol. 35. – No. 3. – P. 331-350.
53. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914 / Ed. Edward C. Thaden. – Princeton, N. J.; Princeton University Press, 1981. – 497 с.
54. Russification in Tsarist Russia // Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe / Edward C. Thaden with the collaboration of Marianna Forster Thaden. – Boulder: Social Science Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1990. – P. 211-220.
55. *Weeks Th.R.* Russification: Word and Practice. 1863-1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. – 2004 (December). – Vol. 148. – No. 4. – P. 471-489.